

— Ну нет, дорогая! — заявил Гришка и, ухватив Дарью за руку, выдернул ее с начальственного места. — Раз уж я пропустил все самое интересное, сядешь со мной, učinю тебе допрос с пристрастием!

— И кто виноват, что ты всегда «приходишь, когда разгар событий позади»? — посмеиваясь, процитировала она его же любимую фразу и включила начальницу: — А кстати, почему мы тебя ждали? Ты где задержался-то, конь наш вороной? Не по амурным ли делам?

— Об этом позже! — подражая актеру Буркову из известного фильма наклоном головы, серьезным выражением лица и отсекающим жестом руки, отложил вопрос о причинах своего опоздания Гришка.

И, не выпуская ее руки, двинулся к задним сиденьям автобуса, но был остановлен Эллочкой, ухватившей начальницу за свободную руку.

— Нам тоже интересно! — возмутилась Эллочка и потребовала: — Пусть она здесь сидит и всем рассказывает!

— А я буду громко ее пытаться! — пообещал Гришка, состроив инквизиторскую мину, чмокнул Эллочку в нос, высвобождая из ее цепких лапок «подследственную».

Эллочка поборолась для виду, но сдалась, как и следовало ожидать. Одержав викторию в баталии за эксклюзивное внимание любимой руководительницы, Гришка продолжил целеустремленное движение по проходу, таща Дарью за собой, к месту своей обычной дислокации в автобусе — на последнее двойное сиденье.

Небрежно кинул ноутбук на задний, четырехместный ряд сидений. На аккуратно сложенный, мягкий, — заметьте! — мягкий реквизит, позволявший расчетливую демонстрацию такого небрежения к обожаемому и всячески оберегаемому предмету производства и, собственно, всей жизни. Чуть оттеснив Дарью, Григорий Комаров лихо скакнул на облюбованное место у окна, картинным, нарочитым жестом указав ей на сиденье рядом.

Дарья с сомнением посмотрела на предложенный «пыточный стул», повернулась к салону и с тем же сомнением посмотрела на свою команду.

Народ в последней стадии разбираемого любопытства замер, готовый внимать «чистосердечке». Аж повыворачивались все со своих мест, Ленка с Ирой так вообще встали на сиденьях на колени, высунув любопытные головушки над спинками кресел.

— Ладно, Малюта! — сдалась с театральным вздохом смирения Дарья. — Чини свой допрос, изувер!

Гришка в предчувствии интриги развернулся спиной к окну, дождался, когда Дарья сядет, и с улыбкой кота, интересующегося у пойманной мышки: «Жить хочешь?», нежненько так спросил:

— Ну что, Дарь Васильна, согрешила?

И Дашка, собравшаяся было подыграть, сценически вздохнула, изобразила покаяние мимикой, подняла головушку и посмотрела не на Гришку, а дальше, поверх его плеча в окно, к которому он привалился спиной.

Вот почему?! Должна же была в глаза парню посмотреть, подыгрывая...

То ли щелкнуло что-то в голове, то ли боковым зрением уловила некое странное, нелогичное движение в этот момент — бог знает!

Она единственная в эти последние четыре секунды смотрела за окно на перекресток, который они проезжали! Остальные глазели на них с Гришкой!

Даже водитель Михалыч, хоть и не сводил взгляда с дороги, внимательно слушал, что происходит в салоне, периодически многозначительно хмыкая и качая головой из стороны в сторону, не отставая от коллектива, — веселился!

А Дашка глядела в окно!

Единственная из всех видела летящую на них смерть!

И что-то случилось в этот момент с ее сознанием, оно словно включило неведомые резервные механизмы, вытворяя немислимые штуки... Движение вокруг нее как бы замедлилось, растянувшись во времени, как муха, залипшая в меду, еле барахтающаяся в последней тщетной надежде спастись.

И окружающее пространство стало внезапно ярким, четким до самой миллиметровой детали, как выхваченное мощным прожектором. Находившиеся в автобусе люди, выражение их лиц, детали одежды, даже обивка кресел казались насыщенной, как на проявившейся картинке, и грузовик за окном, несущийся наперерез их автобусу, его цвет, номер и лежащая на руле голова водителя, поблескивающая вспотевшей лысиной в обрамлении коротких седых волос, мотыляющаяся от движения в разные стороны. И пляшущие в солнечном луче пылинки рядом с улыбающимся лицом Гришки...

И только мысли не попали в эту тягучую медовость, проносясь в голове с обычной скоростью, но тоже как-то странно — пучком, по нескольку сразу.

«Мы не успеем!!» — констатировало Дашкино сознание.

И чей-то незнакомый металлический голос, как метроном в ее голове, вдруг начал отсчитывать секунды:

«Раз...»

«Нет, господи, нет!!»

«Два...»

«Я не хочу!!!»

«Три...»

В последний момент отсчитываемого между-секундья Дашка успела рвануть на себя Гришку от стекла, от смерти, летевшей на них, и обхватить его голову рукой!

«Четыре!!!»

Ее и Гришку, которого она неосознанно сильно прижимала к себе, отбросило к правой стороне автобуса, и в дробленные мгновения этого полета Дарья слышала жуткий грохот корежащегося металла, звон бьющегося стекла, крики людей и успела подумать: «Ты ошибся, не судьба!»

И почувствовала чудовищную, какую-то нечеловеческую боль сразу в нескольких местах тела, сопровождаемую колокольным звоном в голове от удара. И провалилась в темноту.

— Дашка!!!

Откуда-то сбоку продирался, прорывался в темноту, где она находилась, чей-то голос.

Он был здесь инородным, отвергаемым самой сущностью черноты, но, разрывая в клочья от самой границы тьму-тьмушую, настаивал:

— Даша!!!

... И-и-и-и — хлоп! Включилось сознание.

«Да, да. Я здесь», — мысленно ответила она этому зовущему голосу.

И попыталась открыть глаза.

И следом за вернувшимся сознанием ее догна-
ли шаставшие где-то до сих пор ощущения, чув-
ства, жизнь.

И запах! И вкус!

Она почему-то никак не могла разлепить ве-
ки, что-то теплое, вязкое мешало им открыться,
это первое, что ощутила Дашка, а следом хлы-
нули всем скопом, как из прорвавшейся трубы,
иные чувства.

Запах, такой странный, перенасыщенный.
И металлический вкус во рту. И что-то теплое,
тягучее текло ей на лицо.

Дашка сильно зажмурилась и попыталась от-
крыть глаза еще раз, получилась лишь слабая
щелочка света, она повторила несколько раз
«жмурки» и с четвертой попытки смогла-таки
разлепить веки... и ни черта не увидела, кроме
ярко-алого фона перед глазами.

Дашка интуитивно потянулась протереть гла-
за, но такое, казалось бы, простецкое движение
не получилось — руку чем-то сильно придавило.
Дарья попробовала другой, левой рукой — эта
шевелилась, хоть по ощущениям тоже была при-
жата.

Тогда она попыталась пошевелиться. И обна-
ружила ужасное: двигаться она не могла!

Вернее, не совсем так глобально: тело-то ше-
вельнулось совсем немного, но это отозвалось та-
кой чудовищной и разнообразной болью в нем!

Болью ужасной во всех частях этого самого
тела!

Господи боже мой! Зачем она только отозвалась на тот голос и выбралась из темноты?!

Боль!!!

Колющая, режущая, разрывающая, жгучая, сильнейшая! Везде!

Но и это, как ни замедлило выясниться, оказалось не самым страшным!

Она не могла дышать!

Придавленная чем-то тяжелейшим, неподвижным сверху и черт-те чем еще с боков, Дашка не могла вдохнуть!

Безумная, жуткая паника накрыла ее, как утопила, с головой утягивая в безвозвратный омут! И она погружалась в нее, трясясь всем нутром от животного ужаса, судорожно распахивая рот и пытаясь, пытаясь, пытаясь вдохнуть!!

Ей хотелось кричать, орать надсадно! Выть по-звериному, животно, призывая жизнь!!! Разорвать горло и легкие криком и пробиться, пробиться к вдоху — к воздуху, пусть к боли, но к жизни!!

— Даша!!!

Краем затухающего сознания она снова услышала этот голос, очень знакомый, самый важный, единственно нужный и правильный сейчас голос...

И паника с ее напарником — безумием, уже почти пожравшие Дарью, отпустили, отступая перед силой, властностью и мощью этого зовущего ее голоса.

«Я сейчас, сейчас!» — подумала она, как пообещала кому-то.

И волевым усилием мысленно ухватила себя за горло, заставляя прекратить суетные, бесполезные попытки вдохнуть, ослабляя, изгоняя убийственный панический ужас из себя, вспомнив, как учил ее папа:

«Если подавилась или у тебя перехватило горло так, что не можешь вдохнуть, сразу — запомни, это самое важное: — сразу! — прекрати делать попытки вдохнуть и пугаться перестань! И очень осторожно, потихоньку втягивай воздух через нос!»

Очень осторожно, через нос она попробовала втянуть воздух...

И закашлялась, втянув вместо воздуха в горло вязкую горчице-соленую массу с железным привкусом! И почувствовала такую обжигающую, непереносимую боль в легких, что на мгновение перед глазами поплыли темные круги в ярких салютных вспышках!

«Спокойно!!! — успела прикрикнуть на себя Дарья, пресекая вторую волну паники. — Еще раз!!!»

Еще раз! Очень осторожно!

Так! Перестали дергаться. Остановились. Втягиваем воздух через нос. Ос-то-ро-жно!!

И получилось! Тоненькой струйкой воздуху удалось пробраться в легкие!

Еще раз — остановились, не дышим, вдыхаем!
Еще раз! Вот так, вот так!

«Разлепи глаза, что ты зажмурилась!» — командовала она.

Разлепила — алая, яркая пелена!

Дарья принялась осторожно высвобождать левую руку.

Господи, как же ужасно больно! Везде! От любого сантиметрового движения, от осторожного вдоха — больно!

«Давай, давай, Дашенька, ты справишься!» — как могла, подбадривала она себя.

Вытащила! Протерла глаза и посмотрела — красное!

Стоп! Красное — это у нее на пальцах, но пальцы-то она видит!

И вот тут-то случился самый полный финал! Оказалось, что до этого момента был еще «марципанчик», почти белая полоса! И — бац! — она осознала и вспомнила все и в один миг! Сразу!!!

«А вот это провал, Штирлиц!» — почему-то подумалось ей. Странно, но что-то близкое к истине.

И именно в этот момент на Дашу со всей отчетливостью обрушилась реальность, и она услышала стоны, чье-то безудержное рыдание, какую-то суету и крики, голоса там дальше за стенами и плачем и наконец поняла, что чувствует перенасыщенный тошнотворный резкий запах крови.

И вкус крови...

Протерев глаза еще раз, Дашке удалось сфокусировать зрение и разглядеть, что на ней ле-

жит человек, придавивший ее всей своей массой. А сверху него, погребая их под собой, навалено что-то непонятное, и через это непонятное пробивается приглушенный свет разных ярких оттенков. И человек лежит странно — его голова упирается ей в правое плечо, а из его шеи в верхнюю губу Дашки струей, порциями в ритме бьющегося сердца хлещет кровь.

Не успев ничего сообразить, она протянула руку и сильно, тремя пальцами, надавила на рану, остановив этот «гейзер», и только потом поняла, что где-то слышала или видела по телевизору, что именно так и надо делать.

Зачем? Да какая разница сейчас — надо и надо! Главное — сильно давить и не давать крови вытекать. Кто лежит на ней, Дарья так и не поняла в те первые минуты осознания происходящего.

— Даша!!! — Совсем рядом проорал тот же голос, знакомый, родной, но так ею и не опознанный до сих пор, и она рванулась ответить, позвать, сказать, что она здесь, здесь...

И кровь, которой был полон ее рот, перекрыв горло, протекла в желудок. И Дашка поняла одновременно два факта: первое — что ее сейчас вырвет, и второе — что она задохнется от этого!

Совсем! Окончательно!

И ей показалось, что у нее завывло сердце, как-то по-волчьи безысходно завывло, прощаясь, что ли, отчаиваясь окончательно.

«Нет! Нет! Нет!» — просила и уговаривала она себя.

Ей нельзя умирать! Она не хочет, не может, не будет умирать!!

Из глаз потекли бессильные и злые слезы смирения перед поражением, перед последним пониманием конца!

Все!! И ничего уже не сделать! Не можешь, не получится!! Уже совсем все!

«Плакать нельзя!» — вяло подумала Дашка, почти уже сдавшись, отступая перед более сильной «дамой с косой», побеждающей в этом поединке...

Почти...

— Даша!!!

Взорвался в мозгу, пробился через это ее последнее смертельное смирение сильный, требовательный голос.

«Власов!!» — поняла наконец она уже мутнеющим сознанием.

И на вот такой малю-ю-юсенькой, ничтожной грани небытия она предприняла еще одну, самую последнюю и самую сильную, попытку жить.

«Власов!!» — рванула она к нему всем живым, что оставалось еще в ней.

«Так, Васнецова!! Мать твою!! Собралась!! Подыхать в другой раз будешь! Сопли тут распустила! Какого хрена! Так!! Плакать нельзя! Блевать тоже нельзя! Давай дыши!! Медленно! Но со вкусом!»